

СТО СОРОК ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Love. Fate. A Heartbeat Apart

Ви Мун

18+

Ви Мун

Сто сорок четыре часа

<https://litres.ru/73833426>

SelfPub; 2026

Аннотация

Август Гольцман не был дома восемь лет. Успешный бизнесмен из Бостона, он привык к миру стартапов, дедлайнов и одиночества. Но свадьба старшего брата заставляет его купить билет в Москву — город, который он почти забыл.

Две недели, чтобы снова стать сыном, братом и... встретить её. Алиса — младшая сестра невесты, акушерка, студентка, девушка с уставшими глазами и живым сердцем. Две недели, чтобы впервые в жизни почувствовать то, чего не было ни с кем: бабочек в животе, настоящую близость, любовь.

Но один телефонный звонок разрушает всё. Срочный отъезд, сломанный телефон, четыре недели тишины. Для Алисы он исчез, не попрощавшись. Для матери — пропал, как и восемь лет назад. А Август в Бостоне считает часы до возвращения. Сто сорок четыре часа. Шесть дней, чтобы всё исправить. Или потерять навсегда.

«Сто сорок четыре часа» — это история о возвращении домой, о семье, которую мы бросаем и обретаем вновь, и о любви, которая не спрашивает, из какого ты мира.

Содержание

Глава 1. Перелёт	10
Глава 2. Квартира 47	16
Глава 3. Два дня до свадьбы	22
Воскресенье	26
Глава 4. Свадьба	28
В течение вечера	37
Глава 5. Финал свадьбы	43
Глава 6. Первое свидание	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ви Мун

Сто сорок четыре часа

Пролог.

Мне было восемнадцать, когда я улетел.

Август 2014-го. Шереметьево, терминал D, мама в стареньком плаще и с пирожками в пакете, Роман с каменным лицом и красными глазами. Я — с одним чемоданом, студенческой визой и стипендией MIT в кармане.

— Ты только звони, Густик, — мама прижимала меня к себе, и я чувствовал, как дрожат её плечи. — Хоть раз в неделю. Я буду ждать.

— Конечно, мам. Обязательно.

Роман молча пожал руку, потом вдруг обнял — крепко, по-мужски, хлопнув по спине.

— Не подведи, Гольцман. Покажи им там.

— Покажу.

Я ушёл на паспортный контроль и не обернулся. Боялся, что, если обернусь — останусь. А я не мог остаться. Я должен был доказать. Всем. Себе, маме, памяти отца. Что Гольцман

— это не просто смешная фамилия из львовских часовщиков. Что парень из хрущёвки может покорить мир.

Первые месяцы в Бостоне были адом. Языковой барьер, чужая культура, бешеный темп учёбы. Я жил в крошечной комнате в кампусе, питался раменом и кофе, спал по четыре часа. Звонил маме каждое воскресенье — сначала. Рассказывал про пары, про профессоров, про то, как трудно, но интересно. Она слушала, вздыхала, просила беречь себя. Роман передавал приветы.

Потом стало легче. Язык пошёл, учёба наладилась. Я втянулся. На втором курсе меня заметил профессор Хендерсон — седой, сухой, с вечно прищуренным взглядом. Предложил участвовать в исследовательском проекте. Я согласился, не раздумывая. Это был мой шанс.

Звонки стали реже. Сначала раз в две недели. Потом — раз в месяц. Потом — по праздникам. Я оправдывал себя тем, что занят. Что строю будущее. Наше общее будущее. Что однажды вернусь не просто сыном, а человеком, который купит маме квартиру в центре Москвы и отправит её на Мальдивы. Что Роман поймёт и простит.

Шли годы. Я окончил MIT с отличием. Основал стартап — платформу для анализа больших данных. Привлёк инвестиции, снял офис, нанял команду. Работал по шестнадцать часов в сутки, забывая о выходных. К двадцати пяти у меня было всё: деньги, квартира с видом на Чарльз-ривер, машина, признание. И ничего. Пустота внутри, которую я заливал

работой, как бетоном.

Мама старела. Я видел это по редким фотографиям, которые она присылала в «Одноклассники» (я научил её пользоваться мессенджерами, но сам почти не заходил). Роман женился, развёлся, снова женился — я узнавал об этом постфактум, из коротких сообщений. Он не жаловался. Просто писал: «Всё норм, Густ. Береги себя». И я верил. Или хотел верить.

Деньги я присылал исправно. Каждый месяц. Мама отказывалась, говорила: «Густик, зачем так много, мне хватает». Но я настаивал. Деньги были моим способом оставаться сыном. Единственным, который у меня остался.

Иногда, в редкие минуты тишины, я представлял, как приеду в Москву. Как обниму маму, выпью пива с Романом, пройду по старому двору. Но эти мысли я давил, как сорняки. Не сейчас. Ещё рано. Вот заключу контракт с новыми инвесторами, расширю бизнес, тогда...

Звонок раздался в конце июля.

Я сидел в офисе, просматривал отчёты, когда на экране высветился номер Романа. Мы не созванивались уже полгода — только переписывались изредка. Я удивился и взял трубку.

— Густ. — Голос брата был уставшим, но каким-то... мягким. Непривычно мягким. — Привет.

— Привет, Ром. Что-то случилось?

— Случилось. — Он помолчал. — Я женюсь. В августе.

Наташа. Хорошая девочка. Приедешь?

Я молчал. Август. Свадьба. Роман, который никогда ничего не просил, зовёт меня. После восьми лет.

— Густ? Ты там?

— Приеду, — сказал я, и голос дрогнул. — Конечно, приеду. Когда?

— Двадцать третьего. Успеешь?

Я посмотрел на календарь. Дел было по горло, но всё вдруг стало неважным.

— Успею. Возьму билет на завтра.

Роман выдохнул. Я слышал, как он улыбается в трубку.

— Спасибо, брат. Жду.

Я положил трубку и долго сидел, глядя в стену. Восемь лет. Восемь лет я не был дома. Восемь лет я говорил себе «потом». И вот «потом» наступило.

В тот же вечер я купил билет. Бостон — Москва, с пересадкой в Амстердаме. Вылет через три дня. Я смотрел на электронный билет и чувствовал, как внутри что-то оттаивает. Страх? Надежда? Я не знал.

Три дня пролетели как в тумане. Я передал дела Маркусу, собрал чемодан, отменил встречи. В ночь перед вылетом не спал — лежал, смотрел в потолок и думал о маме. Какая она теперь? Сильно ли постарела? Простит ли меня за эти годы молчания?

В аэропорту я купил ей подарок — тёплый платок, мягкий, серо-голубой. И конверт для денег, по привычке. По-

том посмотрел на конверт, смял и выбросил в урну. Хватит. Деньги — не главное. Главное — я еду домой.

Самолёт вырулил на взлётную полосу. Я смотрел в иллюминатор на серый бетон, жёлтую разметку, машины сопровождения. Вспоминал, как в детстве считал заклёпки на крыле, чтобы отвлечься от страха перед полётом. Сейчас страха не было. Было другое чувство — странное, забытое. Как будто я возвращаюсь не на две недели, а навсегда.

Двигатели взревели. Шасси оторвались от земли. Под крылом проплыл Манхэттен — серый, острый, величественный. Город, который я покори́л.

— Прощай, — беззвучно сказал я стеклу. И сам не понял, кому именно.

Впереди был долгий перелёт. Восемь часов до Амстердама, потом ещё три до Москвы. Одиннадцать часов в воздухе. Одиннадцать часов, чтобы вспомнить, как быть сыном. Как быть братом. Как быть собой.

Я закрыл глаза и провалился в сон. Мне снилась мама — молодая, какой я её помнил в детстве. Она стояла на кухне, жарила картошку с лучком и напевала «Подмосковные вечера». Я сидел за столом, болтал ногами и ждал, когда она обернётся и улыбнётся.

Проснулся я от того, что самолёт трянуло. За иллюминатором темнело. Где-то внизу, под облаками, начиналась Россия. Моя Россия. Которую я почти забыл.

Я достал из рюкзака старый конверт. Единственное пись-

мо от матери за последние три года. Не электронное — бумажное, отправленное почтой. Почерк неровный, буквы пляшут.

«Густик, сыночек. Поздравляю тебя с 26-летием. Желаю здоровья и успехов в твоей Америке. У нас всё хорошо. Соседка Рая завела кота, назвала Августом в твою честь. Смешной, пушистый. Я смотрю твои фотографии в интернете, хоть и плохо в этом разбираюсь. Ты там такой красивый, в костюме. Будь счастлив, сынок. Не забывай нас. Мама».

Я перечитал его трижды. «Не забывай нас». Не «меня». «Нас». Она всё ещё говорила о нас как о семье.

Я сложил письмо и убрал обратно. Впереди замигали огни посадочной полосы. Шереметьево. Москва. Дом.

Самолёт коснулся земли. Я вернулся.

Восемь лет — и один миг. Восемь лет — и новая жизнь, которая начнётся не когда-нибудь, а сейчас. С этого вздоха. С этого шага на трап. С этого запаха хлорки и дешёвых духов в зале прилёта.

Я шёл по терминалу, сжимая ручку чемодана, и впервые за восемь лет чувствовал: я дома. Не в гостях. Дома.

И где-то там, впереди, меня ждали. Мама. Роман. И ещё кто-то, о ком я пока не знал. Кто-то, кто изменит всё.

Но это будет потом. А сейчас — просто идти. Просто дышать. Просто быть.

Глава 1. Перелёт

Самолёт компании «Аэрофлот» выруливал на взлётную полосу аэропорта имени Джона Кеннеди, когда Август поймал себя на мысли, что считает заклёпки на крыле. В детстве он делал так всегда — находил какую-нибудь ерунду, чтобы отвлечься от страха перед полётом. Сейчас страха не было. Была пустота в груди и странное, зудящее чувство, будто он забыл выключить утюг в бостонской квартире.

Хотя нет. Не утюг. Он забыл, как быть сыном.

— Мистер Гольцман, желаете ещё шампанского перед взлётом? — стюардесса с фирменной улыбкой склонилась к его креслу бизнес-класса. В Америке его фамилию произносили по-разному: «Гольцмэн», «Голдман», иногда даже путали с Goldman Sachs. Он привык. Перестал поправлять года три назад.

— Нет, спасибо. И.... зовите меня Август.

Девушка кивнула и отошла. Август посмотрел в иллюминатор. За стеклом серый бетон, жёлтая разметка, машины сопровождения. Через двадцать минут он покинет континент, который стал ему домом. Домом, где он научился говорить «Hi, how are you?» не дожидаясь ответа, где пил кофе на ходу из картонного стаканчика и где его фамилию Гольцман, доставшуюся от отца, а отцу от деда-часовщика из Львова, — никто не мог выговорить правильно.

—Гольцман.— Смешная фамилия. В школе его дразнили «Гольфстрим». Потом, уже в Америке, один профессор в MIT, услышав фамилию, оживился: «О, у вас немецкие корни?» Август тогда пожал плечами. Он не знал. Отец умер, когда ему было двенадцать, и расспросить было некого. Мать только отмахивалась: «Гольцман и Гольцман. Хорошая фамилия, еврейская. Ты ею гордись».

Он и гордился. Где-то глубоко внутри, куда не добирались презентации для инвесторов и elevator pitch на Манхэттене.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза. —Восемь лет.

Он уехал в восемнадцать. Тогда это называлось «поступил в MIT». Мать плакала в Шереметьево, совала ему в рюкзак пакет с пирожками и повторяла: «Ты только звони, Густик. Хоть раз в неделю. Я буду ждать».

Первый год он звонил. Раз в неделю, по воскресеньям. Потом началась учёба, подработка, стажировка. Звонки стали раз в месяц. Потом — по праздникам. А потом он открыл свой первый стартап, и время превратилось в сплошной поток дедлайнов, презентаций и встреч с инвесторами. Он оправдывал себя тем, что строит будущее. Их общее будущее. Что однажды он прилетит не просто сыном, а человеком, который может купить матери квартиру в центре Москвы и отправить её на Мальдивы.

Но мать не хотела на Мальдивы. Она хотела, чтобы он просто поел горячего супа.

Самолёт дрогнул и начал разбег. Двигатели взревели,

вдавливая тело в кресло. Август открыл глаза, когда шасси оторвались от земли. Под крылом проплыл Манхэттен — серый, острый, величественный. Город, который он покорил, будучи Августом Гольцманом, парнем из московской хрущёвки.

— Прощай, — беззвучно сказал он стеклу. И сам не понял, кому именно.

Пять часов полёта спустя он проснулся от того, что сосед справа — пожилой мужчина в потёртом пиджаке с советским орденом на лацкане — громко просил у стюардессы «водочки и селёдки». Август усмехнулся. Он отвык от этого. От этой бесцеремонной, родной, чуть нагловатой манеры общения, где нет места американскому «personal space».

Он потянулся к рюкзаку и достал старый, потёртый конверт. Единственное письмо от матери за последние три года. Не электронное — бумажное, отправленное почтой России. Она писала его полгода назад, поздравляя с днём рождения. Почерк был неровный, буквы плясали — видимо, рука уже не та.

— «Густик, сыночек. Поздравляю тебя с 26-летием. Желаю здоровья и успехов в твоей Америке. У нас всё хорошо. Соседка Рая завела кота, назвала Августом в твою честь. Смешной, пушистый. Я смотрю твои фотографии в интернете, хоть и плохо в этом разбираюсь. Ты там такой красивый, в костюме. Будь счастлив, сынок. Не забывай нас. Мама». —

Он перечитал это письмо раз двадцать за время полёта.

«Не забывай нас». Не «меня». «Нас». Она всё ещё говорила о них двоих как о семье, хотя отец умер, и с тех пор они были вдвоём против всего мира. — Гольцманы против всех —, — шутила мать в детстве, когда он приходил из школы с разбитым носом.

За иллюминатором уже темнело. Где-то внизу, под плотным слоем облаков, начиналась Россия. Его Россия. Которую он почти забыл.

Аэропорт Шереметьево встретил его запахом хлорки, дешёвых духов и чего-то ещё — неуловимого, родного. Может, так пахнет тоска. Он прошёл паспортный контроль, чувствуя, как на него смотрит пограничник — усталый мужчина с мешками под глазами.

— Цель визита?

— Свадьба брата.

— Надолго?

— Не знаю. На неделю, может, две.

Пограничник хмыкнул, шлёпнул печать и вернул паспорт. В графе «Surname» значилось: — Goltsman —. Однажды в американском банке его спросили, не родственник ли он тому самому Гольцману с Уолл-стрит. Он ответил: «Нет, я из других Гольцманов. Из тех, что чинили часы во Львове».

— Добро пожаловать домой, — сказал пограничник.

— Домой.

Август забрал чемодан и вышел в зал прилёта. Его никто не встречал. Он сам так решил — не говорить матери точную

дату. Хотел увидеть её без подготовки, без парадных пирогов и слёз в аэропорту. Просто прийти и постучать в дверь, как будто он вышел за хлебом и вернулся через восемь лет.

На улице его обдало влажным, тяжёлым воздухом. Конец августа в Москве — это смесь бензина, пыли и увядающей листвы. Он остановился на мгновение, вдохнул полной грудью и вдруг понял, что за восемь лет ни разу не чувствовал этот запах. Запах дома.

Таксист — молодой парень с золотой цепью поверх футболки — лихо подхватил его чемодан.

— Куда едем, шеф?

Август назвал адрес. Старый район, хрущёвки, двор, где он гонял мяч с пацанами. Таксист присвистнул.

— Ого, далекоовато. Но довезу с ветерком. Садись.

Машина тронулась. За окном поплыли огни МКАДа, рекламные щиты, бесконечные ряды многоэтажек. Август смотрел и не узнавал город. Всё изменилось. Или изменился он.

— Слушай, а ты откуда? — спросил таксист, поглядывая в зеркало заднего вида. — Акцент чудной. Не наш, да?

— Из Америки.

— О-о-о! Круто. А чё там, правда, что ли, все на «Макдональдсе» сидят?

Август улыбнулся.

— Не все. Некоторые на салатах.

— Понял. А я вот «Бургер Кинг» люблю. Ну, расскажи,

как там жизнь?

И Август вдруг начал рассказывать. Не о стартапах и инвестициях, а о том, как в Бостоне зимой дует ледяной ветер с Атлантики, как сосед-итальянец каждое воскресенье печёт пиццу и угощает весь подъезд, как он скучает по чёрному хлебу и настоящей сметане. Таксист слушал, кивал, вставлял свои истории про жену и тещу. И Август поймал себя на мысли, что ему легко. Легко говорить с этим незнакомым парнем на простом, родном языке о ерунде.

Потому что завтра предстоял разговор совсем другой.

Машина свернула во двор. Фонарь у подъезда всё так же мигал. Детская площадка с покосившимися качелями. Лавочка, на которой он в четырнадцать лет впервые поцеловал соседскую девчонку.

— Приехали, — сказал таксист. — С вас тыща двести.

Август протянул две тысячи.

— Сдачи не надо.

— Ого, спасибо! Удачи тебе, американец.

Август вышел из машины. Чемодан стукнулся об асфальт. Он посмотрел на окна пятого этажа. В кухне горел свет.

Лифт не работал.

Он поднял чемодан и шагнул в подъезд.

Глава 2. Квартира 47

Лифт не работал. Восемь лет прошло, а лифт всё так же не работал.

Август поднимался на пятый этаж пешком, и каждый пролёт отзывался в ногах странной, почти забытой мышечной памятью. Здесь на втором этаже он в детстве разбил коленку, упав с велосипеда, который тащил наверх. Здесь на четвертом пахло кошками и жареной рыбой — соседка, тётя Рая, видимо, ещё жива.

Он остановился перед дверью. Старая, обитая коричневым дерматином, с медной цифрой «47», потемневшей от времени. Он не предупредил, что прилетел сегодня. Рейс перенесли, и он решил: зачем звонить? Хотел увидеть её первую реакцию. Или боялся, что если предупредит, то она начнёт готовиться, суесться, и между ними снова встанет этот неловкий парадный фарфор встреч.

Пальцы сами нащупали звонок. Мелодия — всё та же, «Подмосковные вечера». Он нажал.

За дверью — тишина. Потом шаркающие шаги, осторожный взгляд в глазок.

— Кто там?

Голос. Родной, чуть глуховатый, с теми самыми интонациями, которые он слышал в кошмарах, когда снилось, что он опаздывает на её похороны.

— Мам, это я. Август.

Щелчок замка. Второй. Цепочка, которую она всегда вешала, когда была одна.

Дверь открылась.

Она стояла в домашнем ситцевом халате, в тапочках с помпонами, в руке — очки для чтения. На носу — след от дужки. Видимо, читала. Волосы, уже тронутые сединой, были собраны в простой пучок, а не в парадную причёску с лаком.

Она просто смотрела на него, приоткрыв рот. В коридоре горела тусклая лампочка, и в этом свете он увидел то, что не разглядел бы в суеде свадебного банкета: глубокие складки у рта, тонкую, почти прозрачную кожу на руках, слегка припухшие веки.

— Густик... Гольцман ты мой, — выдохнула она.

И эта нелепая, случайная рифма «Густик — Гольцман» вдруг пробила его броню. Так она говорила в детстве, когда он приходил из школы с гордостью: «Мам, меня учитель похвалил, сказал, что у Гольцмана светлая голова». Она смеялась и отвечала: «Густик-Гольцман, золотая голова».

Халат упал с её плеча, когда она дёрнулась к нему. Очки брякнулись на пол. Она не стала поднимать. Она просто вцепилась в него, в его дорожный плащ, пахнувший самолётом и чужим одеколоном из Duty Free.

— Ты чего... ты чего не позвонил? Я бы встретила... Я бы стол накрыла... — забормотала она, уткнувшись лицом в

его грудь, и он почувствовал, как её плечи начинают мелко дрожать.

Август стоял на пороге собственного детства с чемоданом в одной руке и матерью в другой. Восемь лет он мечтал об этом моменте, репетировал сдержанное «Hello, mother», а теперь просто стоял истуканом, боясь пошевелиться, чтобы не разрушить хрупкость этого мига.

— Мам, ну хватит. Хватит, — хрипло сказал он, опуская чемодан. — Плащ новый, изомнёшь.

Она тут же отстранилась, шмыгнула носом, пытаясь принять строгий вид.

— Ох, прости. Заходи, чего встал? Разувайся, тапки твои я сохранила.

Он зашёл в прихожую, и его обдало тем самым запахом. Ваниль, выглаженное бельё, старая мебель и немного — лекарства. «Корвалол», — догадался он. Сердце, значит, у неё пошаливает.

На обувной полке, среди её аккуратных туфель без каблука, действительно стояли старые синие тапки с протёртой стелькой. Размер сорок третий. Она хранила их восемь лет. Август наклонился, снял свои итальянские лоферы и сунул ноги в эти облезлые тапки. Нога вошла как влитая.

— Проходи на кухню, — сказала мать, уже суетясь, поправляя халат. — Я сейчас чай поставлю. У меня пирог есть, вчера пекла, правда, думала, к свадьбе...

Она говорила и говорила, заполняя словами пустоту вось-

ми лет, пока он шёл по коридору, задевая плечом старый шкаф. На стенах висели те же фотографии. Он в первом классе с гладиолусами. Он на выпускном с гитарой. Его фото из студенческого, которое она выпросила у его бывшей одногруппницы через «Одноклассники».

На кухне было чисто, уютно. На подоконнике — герань. На холодильнике — магнитик с надписью «Boston», который он прислал ей три года назад в конверте на Новый год, забыв вложить записку.

Он сел на старый табурет, обитый клеёнкой. Мать гремела чашками, стоя к нему спиной, и плечи её всё ещё подрагивали.

— Ты похудела, — сказал Август, просто чтобы что-то сказать.

— Да ну, брось, — ответила она, не оборачиваясь. — Это ты у нас бизнесмен, стройный, наверное, в спортзал ходишь. А я всё с диваном воюю.

— Мам, я серьёзно. Как ты себя чувствуешь?

Она повернулась. В глазах стояли слёзы, но она улыбалась.

— Нормально, сынок. Сейчас, когда ты приехал, — отлично.

Она поставила перед ним чашку с отбитой ручкой. Его любимую чашку с медведем. И тарелку с пирогом.

— Ты голодный? Давай я картошки пожарю? С лучком, как ты любишь. Или, может, суп? У меня борщ есть.

— Пирог сначала, — сказал он, беря кусок. — А потом — всё остальное.

Он откусил. Тесто было чуть суховатым, но начинка — вишнёвая, кисло-сладкая, — та самая, из детства. Мать стояла напротив, комкая в руках полотенце, и смотрела, как он ест. И в этом взгляде было всё: и страх, что он сейчас скажет «спасибо, я пойду в отель», и надежда, что он останется, и бесконечная, всепоглощающая материнская любовь, которую не смогли заглушить ни океан, ни годы молчания.

Август жевал, чувствуя, как горячий ком подступает к горлу. Не от пирога. Он вспомнил, как в детстве, когда они жили вдвоём, мать часто сидела напротив с пустой тарелкой и смотрела, как он ужинает. «Я на работе перекусила», — врала она тогда.

— Вкусно, — сказал он с набитым ртом. — Очень вкусно, мам.

Она выдохнула. Потом вдруг подошла сзади, обняла его за плечи и прижалась щекой к его макушке.

— Глупый ты мой Гольцман, — прошептала она. — Приехал всё-таки. А я уж думала...

— Что думала?

— Что так и не увижу тебя больше. Сны дурные снились.

Он развернулся на табурете и взял её руки в свои. Руки были сухими, с набухшими венами и тонкой ниткой простого обручального кольца, которое она так и не сняла после смерти отца.

— Я здесь, мам. И у нас есть ещё два дня до свадьбы этого балбеса. Только ты и я. Рассказывай. Всё рассказывай, что я пропустил.

Мать всхлипнула, вытерла глаза краем халата и села напротив, подперев щёку рукой. Совсем как в детстве, когда он приходил из школы и рассказывал про уроки.

— Ну, слушай. Тётя Рая со второго этажа кота завела. Персидского. Назвала Августом. Говорит, в честь тебя, потому что такой же важный и пушистый...

Глава 3. Два дня до свадьбы

Суббота

Проснулся Август в своей старой комнате. Солнце пробивалось сквозь те же выцветшие занавески с рисунком из мультфильма «Ну, погоди!». Потолок был всё такой же низкий, с трещиной в углу, похожей на карту Южной Америки. В детстве он водил по ней пальцем и придумывал страны.

Он лежал, глядя в потолок, и слушал, как на кухне мать гремит посудой. Запахло жареной картошкой. С лучком. Как он любил.

Восемь лет он просыпался в съёмных квартирах, потом в своей собственной, с видом на Чарльз-ривер. Там было тихо, чисто, пахло кондиционером и свежим кофе из капсульной машины. Здесь пахло домом.

Он встал, натянул старые спортивные штаны, которые мать, видимо, достала с антресолей, и вышел на кухню.

— Доброе утро, мам.

— Доброе, Густик. Садись, я уже всё приготовила.

Стол ломился. Картошка, яичница, сырники, нарезанные помидоры, солёные огурцы из банки с пластмассовой крышкой, хлеб, масло, варенье. Он сел и почувствовал себя восьмилетним мальчиком перед школой.

— Мам, ну куда столько? Я же не съем.

— Ешь давай. В Америке твоей небось одну брокколи жуёшь.

Он ел. Медленно, смакуя. Мать сидела напротив, пила чай и смотрела на него. Не сводила глаз. Изучала. Запоминала.

После завтрака он сказал, что хочет прогуляться. Мать зашевелилась, начала предлагать проводить, показать, что изменилось в районе. Он мягко отказался. Ему нужно было одному. Переварить.

Он вышел во двор. Субботнее утро, тишина, только старушки на лавочке у подъезда. Они замолчали, когда он проходил мимо, а потом зашептались. Август услышал обрывок: «...это же Гольцманов, младший который, из Америки, говорят, богатый стал...»

Он усмехнулся и свернул за угол, к старому скверу.

Сквер почти не изменился. Те же тополя, те же скамейки с облупившейся краской. Только фонтан, который в детстве вечно не работал, теперь журчал водой, а вокруг него бегали дети.

Август сел на скамейку. Достал телефон. Открыл контакты.

«Брат». Номер был сохранён ещё восемь лет назад. Они не созванивались. Вообще.

Старший брат, Роман, остался в Москве. Когда Август уезжал, Роман уже работал менеджером в какой-то строительной фирме, был женат первым браком (неудачно, развёлся через два года) и смотрел на младшего со смесью гордо-

сти и зависти. «Ну давай, покоряй Америку, Гольцман-младший. А я тут буду за матерью присматривать».

И ведь присматривал. Мать рассказывала вчера вечером, что Роман заезжает раз в неделю, привозит продукты, помогает с ремонтом. А Август — что? Присылал деньги. Много денег. Но денег недостаточно, когда матери нужно, чтобы кто-то просто починил кран.

Август нажал на контакт. Экран показал фотографию брата — старую, с выпускного Романа. Они там вдвоём, Августу лет десять, смотрит на старшего с обожанием.

Он нажал «Позвонить». И тут же сбросил.

Не сейчас. Не по телефону. Они увидятся на свадьбе. Роман женится во второй раз. Август знал только имя невесты. Слышал от матери: «Хорошая девочка, Наташа. Скромная. Ромку на путь истинный наставила».

Он сунул телефон в карман и пошёл дальше. Ноги сами несли к метро.

Весь день он бродил по Москве. Центр изменился до неузнаваемости: пешеходные улицы, хипстерские кофейни, стеклянные башни Москва-Сити вдали. Он зашёл в книжный магазин на Тверской, купил сборник Бродского — просто потому, что в Бостоне не мог найти на русском. Выпил кофе в «Кофемании», глядя на прохожих. Вспоминал, как они с Романом в детстве ездили на ВДНХ, ели сахарную вату и спорили, кто выше прыгнет.

Роман всегда побеждал. Он был старше на пять лет, силь-

нее, выше. Но Август обожал его. Брат научил его кататься на велосипеде, защищал от дворовых хулиганов, рассказывал страшилки на ночь. А потом, когда отец умер, Роман как-то сразу повзрослел. Стал серьёзным, взял на себя роль мужчины в доме. Августу тогда было двенадцать, Роману — семнадцать. И между ними выросла стена. Не вражды — скорее, стена из невысказанных обид. Август уехал, оставив брата с матерью и грузом ответственности. Роман никогда не упрекал его. Но Август чувствовал вину. Все восемь лет чувствовал.

К вечеру он вернулся домой. Мать уже волновалась, накрывала ужин. Они снова сидели на кухне, пили чай, и она рассказывала о предстоящей свадьбе: кто придёт, где будет банкет, какое платье она сшила.

— Ромка спрашивал о тебе, — вдруг сказала она, помещивая ложечкой в чашке.

Август напрягся.

— Что спрашивал?

— Приедешь ли. Я сказала, что приедешь. Он кивнул и ничего больше не сказал.

Повисла пауза. Мать вздохнула.

— Вы бы поговорили, сынок. Восемь лет ведь. Он скучает.

Август промолчал. Но перед сном долго лежал без сна, глядя в потолок с трещиной-Южной Америкой, и думал о том, что сказать брату, когда они увидятся.

Воскресенье

Воскресенье прошло тише. Август помог матери с домашними делами: починил дверцу шкафа, заменил перегоревшую лампочку в коридоре, настроил ей интернет на телевизоре, чтобы «Смотрим» работал без сбоев. Мать ахала и называла его «профессором Гольцманом».

Днём пришла тётя Рая с котом. Кот, пушистый перс по кличке Август, важно прошествовал по коридору и улёгся на диван, как у себя дома. Тётя Рая всплёскивала руками, обнимала Августа, плакала, говорила, что он «вылитый отец, только повыше».

Вечером Август снова вышел во двор. Сел на ту же скамейку. Солнце садилось за панельные девятиэтажки, небо стало розово-оранжевым.

Завтра свадьба. Завтра он увидит брата.

Он достал телефон и написал сообщение. Не брату — матери. Всего три слова: —«Я рад, что приехал»—.

Потом открыл контакты, нашёл «Брат» и нажал «Изменить». Добавил рядом с именем эмодзи — смешной жёлтый смайлик. Глупо. По-детски. Но ему стало немного легче.

Он встал и пошёл домой. У подъезда остановился, посмотрел на окна пятого этажа. В кухне горел свет. Мать ждала.

— Завтра, — сказал он себе негромко. — Завтра всё ре-

шится.

И шагнул в подъезд. Лифт, кстати, так и не починили.

Глава 4. Свадьба

Свадьба началась не с марша Мендельсона, а с крика тёти из Краснодара: «Ромочка, ты ей фату поправь, поправь, она же съехала!»

Август Гольцман стоял в углу банкетного зала, сжимая бокал шампанского, и чувствовал себя антропологом, изучающим загадочное племя. За восемь лет в Америке он отвык от этого — от русской свадьбы как стихийного бедствия, где все кричат, плачут, поют и едят одновременно.

Зал «Империал» сиял гипсокартонными колоннами и люстрами, которые пытались выглядеть как хрусталь, но сдавались под напором провинциального шика. На столах — графины с компотом, тарелки с нарезкой, салат оливье в хрустальных вазочках и бутылки шампанского «Советское», которое пахло детством. Гости — человек восемьдесят — гудели, как улей. Мужчины в мешковатых пиджаках ослабляли галстуки ещё до первого тоста. Женщины в платьях с пайетками поправляли причёски, залитые лаком до состояния шлемов. Дети носились между столами, роняя салфетки и получая подзатыльники.

Мать Августа сидела за главным столом, прямая, как струна, в своём синем платье, и улыбалась сквозь слёзы. Она ждала этого дня восемь лет — и не только потому, что старший сын наконец женился во второй раз. Она ждала, что млад-

ший вернётся.

Август смотрел на неё и чувствовал, как что-то тяжёлое ворочается в груди. Вина. Нежность. Любовь, которую он закопал под презентациями и дедлайнами.

Роман и Наташа стояли у арки, увитой искусственными цветами, и принимали поздравления. Брат выглядел счастливым — по-настоящему, не напоказ. Он держал Наташу за руку и иногда наклонялся к ней, шептал что-то на ухо, и она смеялась. Август подумал, что никогда не видел Романа таким. В детстве старший брат был серьёзным, ответственным, вечно хмурым. Сейчас он светился.

И тут Роман поднял глаза. Увидел Августа. И замер.

Бокал в его руке дрогнул. Он что-то быстро сказал свидетелю, поставил бокал на поднос проходящего официанта и пошёл к брату. Не быстро, но и не медленно. Август видел, как движется его кадык — Роман сглотнул.

Мать легонько подтолкнула Августа вперёд и отошла в сторону. Тактично.

Братья остановились в метре друг от друга.

— Привет, Ром, — сказал Август. Голос прозвучал глухо, будто сквозь вату.

Роман смотрел на него. Молчал. Потом вдруг хмыкнул, и его глаза подозрительно заблестели.

— Ну здравствуй, Американец Гольцман, — сказал он и шагнул вперёд.

Они обнялись. Крепко, по-мужски, хлопая друг друга по

спине. Август почувствовал запах знакомого одеколона — Роман пользовался им ещё в юности, что-то дешёвое, из ларька, но стойкое. И вдруг вся неловкость, все восемь лет молчания схлопнулись в эту секунду.

— Ты зачем на мою свадьбу в костюме, как на похороны?
— пробормотал Роман ему в плечо.

— А ты зачем в белом? Ты ж не невеста, — ответил Август, и оба рассмеялись. Смех вышел нервным, срывающимся.

Они отстранились. Роман держал Августа за плечи и разглядывал.

— Возмужал. Заматерел. Шрам откуда?

— Велопрогулка в Бруклине.

— В Бруклине, — повторил Роман с усмешкой. — Звучит как название болезни. Ну, пойдём. Познакомлю тебя с Наташей.

Наташа оказалась не такой, как представлял Август. Мать говорила «скромная, хорошая девочка», и он ожидал увидеть тихую мышку в кружевах. Но Наташа была высокой, с прямой спиной и открытой улыбкой. У неё были русые волосы, убранные в элегантный низкий пучок, и ясные серые глаза, которые смотрели прямо и без кокетства. Белое платье сидело на ней просто, но дорого — никакой пышной пены, только чистые линии.

— Наташ, это Август, мой младший брат, — сказал Роман, и в его голосе Август уловил нотку гордости. — Тот са-

мый, из Америки.

Наташа протянула руку. Рукопожатие у неё было крепким, не женским.

— Очень приятно, Август. Рома много о вас рассказывал.

— Правда? — Август покосился на брата. — Интересно, что именно.

— Что вы умный и что в детстве постоянно таскали у него носки, — улыбнулась Наташа.

Роман крякнул.

— Ну, я не совсем так формулировал...

— Он говорил, что вы делили одну комнату и вы вечно путали, где чьи вещи, — мягко добавила Наташа. — И что он скучал.

Повисла короткая пауза. Август почувствовал, как что-то тёплое разливается в груди. Он посмотрел на брата. Роман отвёл глаза, делая вид, что поправляет бутонарку.

— Поздравляю вас, Наташа, — искренне сказал Август.

— Ромка — хороший человек. Лучший из нас.

— Я знаю, — просто ответила она. — Поэтому и выхожу за него.

Роман просиял и приобнял невесту за талию.

— Ладно, брат, располагайся. Скоро начнётся официальная глава, а потом — гуляем. И попробуй только уйти рано. Мать тебя со света сживёт.

— Я никуда не спешу, — ответил Август.

Наташа вдруг обернулась и позвала кого-то взглядом.

— Алиса! Иди сюда, познакомься с нашим американцем.

Август проследил за её взглядом и увидел девушку, которая стояла чуть поодаль, у столика с фруктами, и с кем-то оживлённо болтала. Она обернулась на голос сестры, и в груди Августа что-то ёкнуло.

Девушка подошла. Двадцать три — в этом возрасте люди ещё не утратили юношеской угловатости, но у Алисы она превратилась в особую грацию. Темные волосы до плеч, небрежно уложенные, но в этой небрежности чувствовался стиль. Простое, но элегантное платье цвета тёмного изумруда, без блёсток и страз. Минимум макияжа. И глаза — карие, живые, с хитринкой и каким-то особым спокойствием, которое бывает у людей, привыкших к ответственности. Взгляд не по годам взрослый, но улыбка — совсем юная, открытая.

— Август, это Алиса, моя младшая сестра, — представила Наташа. — Алис, это Август Гольцман, брат Ромы. Из Бостона. Бизнесмен. Холост. — Последнее слово Наташа произнесла с нажимом, многозначительно глядя на сестру.

— Наташ! — шикнула Алиса, но глаза её смеялись. — Ты меня как на смотрины выставила.

Август заметил, как она чуть покраснела — едва заметно, на скулах. Ему вдруг стало неловко, но приятно.

— Приятно познакомиться, Алиса, — сказал он, протягивая руку.

Она пожала её. Ладонь была прохладной, тонкой, но рукопожатие — уверенным, крепким. Пальцы без маникюра,

ногти коротко острижены.

— Взаимно, Август. — Она чуть склонила голову набок, разглядывая его. — А вы правда из Бостона? Или это такой имидж — загадочный иностранец на русской свадьбе?

— Самый настоящий, — усмехнулся он. — Могу показать паспорт.

— Не надо, я верю. У вас акцент есть. Чуть-чуть. Как будто вы долго жили среди людей, которые говорят «О май гад» вместо «Боже мой».

Роман хохотнул.

— Алиска, ты давай поаккуратнее, он всё-таки мой брат.

— А я аккуратно, — невинно ответила Алиса. — Просто изучаю феномен.

— Какой феномен? — спросил Август.

— Человека, который променял борщ на клэм-чаудер. Это же суп из моллюсков, да? Я гуглила.

Август рассмеялся. Она была остра на язык, но без злобы — с тем самым юным задором, который обезоруживает.

— Борщ я люблю больше, честно. Мама сегодня утром подтвердит.

— Это хорошо, — кивнула Алиса. — Значит, не всё потеряно.

Наташа, наблюдавшая за ними с лёгкой улыбкой, тронула Романа за локоть.

— Пойдём, нас там тётя из Краснодара ждёт. Алис, покажи Августу, где тут бар. Он, наверное, не знает, что у нас

шампанское не такое, как в Америке.

— Покажу, — пообещала Алиса. — И расскажу про культурные различия.

Роман и Наташа отошли. Брат на прощание бросил на Августа выразительный взгляд — мол, «не облажайся».

Они остались вдвоём. Август вдруг понял, что не знает, куда деть руки. В Бостоне он был уверен в себе на деловых встречах, мог вести переговоры с инвесторами на миллионы долларов. Но сейчас, стоя перед этой девушкой в зелёном платье, он чувствовал себя двадцатилетним студентом на первом свидании.

— Так чем вы занимаетесь? — спросил он, просто чтобы что-то сказать. — Кроме того, что изучаете феномены?

— Я акушерка, — ответила она просто. — Ну, почти. Учусь на третьем курсе медуниверситета. До этого медколледж закончила, работала пару лет в роддоме. Решила, что хочу большего, пошла на высшее.

Август моргнул. Он ожидал услышать что-то про фотографию, моду, журналистику — что угодно, но не это.

— Акушерка, — повторил он. — Это... впечатляет. Вы принимаете роды?

— Принимала. Сейчас меньше — учёба отнимает время, но на практику хожу. — Она улыбнулась, заметив его растерянность. — Что, не похожа на акушерку?

— Я просто... не ожидал. Это тяжёлая работа.

— Тяжёлая, — согласилась она. — Но знаете, когда дер-

жишь на руках новорождённого, который секунду назад ещё был частью мамы, а теперь — отдельный человек с сердцем и лёгкими... Это стоит всех бессонных ночей и криков роже-ниц. — Она вдруг осеклась. — Простите, я, наверное, слиш-ком много говорю о работе. Наташа вечно ругает, что я на свадьбах рассказываю про роды.

— Нет-нет, — поспешно сказал Август. — Мне интерес-но. Правда.

Она посмотрела на него оценивающе, будто решая, можно ли ему доверять.

— Знаете, что самое странное в моей профессии? — спросила она тише. — Ты видишь людей в самый уязвимый момент их жизни. Женщины кричат, плачут, ругаются матом, молят о помощи. А потом, когда всё заканчивается, они смотрят на ребёнка, и у них глаза светятся. Как будто вся боль исчезла. Это... магия какая-то.

Август молчал. Ему вдруг стало стыдно за свои стартапы, графики, презентации. Он никогда не держал в руках новорождённого. Никогда не видел чудо в чистом виде.

— Вы, наверное, очень сильный человек, — сказал он на-конец.

Алиса пожала плечами.

— Я просто люблю свою работу. И хочу стать хорошим врачом. Акушером-гинекологом, если получится.

— Получится, — сказал он уверенно. — У вас взгляд че-ловека, который доводит дело до конца.

Она чуть покраснела и отвела глаза.

— Ладно, пойдёмте, покажу вам бар. А то Наташа расстроится, что я не выполнила поручение.

В течение вечера

Августа посадили за главный стол, рядом с матерью и какими-то дальними родственниками. Алиса сидела за соседним, с молодёжью, и время от времени ловила его взгляд. Каждый раз она чуть улыбалась и отводила глаза.

Тосты, крики «Горько!», конкурсы — всё слилось в один шумный поток. Август пил шампанское, но не пьянел. Он наблюдал. За братом, который светился от счастья. За матерью, которая украдкой вытирала слёзы. За Алисой, которая смеялась с подругами, но иногда вдруг становилась серьёзной, задумчивой — и тогда её лицо напоминало ему кого-то, кого он не мог вспомнить.

Один раз она подошла к их столу, чтобы взять салфетку, и на мгновение наклонилась к нему:

— Вы хорошо держитесь. Обычно иностранцы сдаются после третьего тоста.

— Я наполовину русский, — шепнул он в ответ.

— Это заметно. У вас глаза грустные, как у Чехова. А Чехов, между прочим, был врачом. Так что у нас есть что-то общее.

Она отошла прежде, чем он успел ответить.

Позже, когда начались танцы, Роман подошёл к Августу. Брат был уже немного пьян, но в хорошем смысле — ослабленный, улыбчивый.

— Ну что, Густ, как тебе?

— Хорошо, Ром. Правда хорошо. Наташа — чудо.

— Да, — Роман посмотрел на жену, которая танцевала с подругами. — Она меня из ямы вытащила. После первого развода я ведьпил, знаешь. По-чёрному. А она... просто пришла и сказала: «Хватит». И всё. Я остановился.

Август молчал. Он не знал. Роман никогда не жаловался в тех редких сообщениях.

— Ты молодец, что приехал, — продолжил Роман. — Я боялся, что не приедешь.

— Я бы не пропустил.

— Знаю. Но всё равно боялся. — Роман помолчал. — Слушай, я не держу зла. За то, что уехал. За то, что не звонил. Ты жил свою жизнь. Я жил свою. Так бывает.

— Я виноват, Ром.

— Никто не виноват. — Роман хлопнул его по плечу. — Главное, что ты здесь. И знаешь что?

— Что? — я с недоумением уставился на брата.

— Иди потанцуй с Алиской. Она на тебя весь вечер смотрит. И ты на неё. Я же вижу. Иди. Только учти — она младшая сестра моей жены. И она акушерка. Если обидишь — она тебя потом зашьёт так, что шрамов не останется. Профессионально.

Август усмехнулся.

— Понял. Не обижу.

— Вот и славно. Иди.

Я нашёл Алису у стойки с напитками. Она как раз взяла бокал с водой — без газа. Не пила алкоголь. Наверное, завтра на смену или на учёбу.

— Алиса, — позвал я.

Она обернулась. В карих глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Да, Август?

Музыка сменилась — заиграл медленный блюз. Что-то из старого, Синатра или похожее.

— Потанцуете со мной? Я обещаю не наступать на ноги. У меня американская школа танцев.

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением, потом улыбнулась.

— Американская школа? Это когда стоишь на месте и переминаешься?

— Примерно. Но я могу и по-русски, если покажете как.

Она поставила бокал и протянула руку.

— Идёмте, мистер Гольцман. Покажу вам, как танцуют в России.

Мы вышли на танцпол. Август положил руку ей на талию — осторожно, почти невесомо. Алиса положила ладонь ему на плечо. Мы начали двигаться в такт музыке.

— Знаете, Август, — сказала она, глядя снизу вверх, — когда Наташа сказала, что приедет брат жениха из Америки, я представляла кого-то старого и скучного. Ну, знаете, дяденьку в подтяжках, который будет рассказывать про акции и дивиденды.

— А получили меня.

— Да. И пока не знаю, радоваться или нет.

— Это как?

— Ну, — она чуть прищурилась, — если вы окажетесь занудой, я расстроюсь. А если нет — это усложнит мне жизнь.

— Почему?

— Потому что я не планировала влюбляться на свадьбе сестры. Это так банально. — Она сказала это просто, как констатировала факт. — У меня вообще-то сессия на носу. Патофизиология, акушерство, фармакология. А тут вы.

Август чуть не сбился с ритма. Она говорила о влюблённости и сессии в одном предложении с одинаковой серьёзностью, и это было... обезоруживающе.

— А я не планировал задерживаться в Москве дольше недели, — ответил он.

— Значит, у нас обоих проблемы с планами. — Она улыбнулась. — Но знаете, в акушерстве есть такое правило: роды никогда не идут по плану. Приходится импровизировать.

— И как, получается?

— По-разному. Но главное — не паниковать и помнить, что в конце будет новый человек.

Они замолчали, продолжая двигаться в такт музыке. Её ладонь на его плече была тёплой. От неё пахло чем-то лёгким — не духами, а скорее антисептиком для рук и свежестью. Я поймал себя на мысли, что этот запах — смесь больницы и чего-то юного, живого — кажется ему самым честным запа-

хом в этом зале, полном приторных цветочных ароматов.

— Алиса, — сказал тихо, — я знаю, это безумие, но... могу я пригласить вас на кофе? Завтра? Или, когда вам удобно. Я плохо помню Москву, но готов рискнуть.

Она подняла голову. В карих глазах плясали искры.

— Кофе — это серьёзное предложение. Вы уверены? У меня завтра лекция в восемь утра, потом практика в роддоме, потом семинар. Освобожусь только к вечеру.

— Я подожду.

— В Москве? Один? Без знания местности?

— Буду изучать феномен российской столицы.

Она рассмеялась.

— Хорошо. Давайте в семь вечера. Я знаю одно место на Патриарших. Там варят кофе так, что можно забыть про свой Бостон.

— Договорились.

— Только предупреждаю, — добавила она, — я могу опоздать. Роды не спрашивают расписания. Если что — скину смс.

— Я буду ждать в любом случае.

Танец закончился. Они остановились, но не разнимали рук. Вокруг аплодировали молодожёнам, кто-то кричал «Горько!», а они стояли посреди танцпола, как в тихом пузыре.

— До завтра, Август Гольцман, — сказала Алиса.

— До завтра, Алиса...

— Просто Алиса. Фамилия у меня длинная, вы не говорите.

— Тогда просто Алиса.

Она улыбнулась, высвободила руку и пошла к своему столу. Но через пару шагов обернулась:

— И не вздумайте опоздать. Я ненавижу ждать. И ещё — если что, я умею принимать роды в экстренных условиях. Но кофе пью только капучино без сахара.

Август рассмеялся, глядя ей вслед.

Глава 5. Финал свадьбы

Вечер подходил к концу. Гости устали, но не сдавались. Тётя из Краснодара спела романс «Очи чёрные» — на удивление хорошо, с надрывом и душой. Ей аплодировали стоя. Потом был торт — огромный, с лебедями из мастики и надписью «Роман + Наталья». Роман разрезал его, и первый кусок, по традиции, отдал матери. Та расплакалась.

Около полуночи гости начали расходиться. Молодёжь уехала продолжать в бар, старшее поколение — по домам, ссылаясь на давление и усталость. Роман и Наташа стояли у выхода, прощались, принимали последние поздравления.

Август подошёл к брату.

— Ну что, Ром. Поздравляю ещё раз.

— Спасибо, Густ. — Роман обнял его, крепко, по-настоящему. — Ты приехал. Это главное.

— Я рад, что приехал.

— И Алиска... — Роман чуть отстранился и посмотрел на него с хитринкой. — Ты с ней поаккуратнее. Она девочка серьёзная. А если что — Наташа тебя убьёт.

— Я понял.

— Ну, бывай. Завтра созвонимся.

Я вышел на улицу. Августовская ночь пахла бензином, пылью и увядающей листвой. Где-то вдалеке гремел салют — не для них, просто чья-то ещё свадьба. Стоя на крыльце,

смотрел на звёзды, которых почти не видно из-за городской засветки, и думал о том, что впервые за восемь лет не один.

Мать уже уехала на такси —вызвал ей отдельно, дал денег и поцеловал в щёку. Она светилась от счастья и усталости.

Я остался один. В кармане лежал телефон с новым контактом: «Алиса». Посмотрел на экран. Сообщений не было.

Я поймал такси и назвал адрес матери. Ехал, глядя в окно на проплывающие огни, и в голове крутилась одна мысль: завтра в семь вечера. Патриаршие. Капучино без сахара.

И я не опоздаю.

Глава 6. Первое свидание

Ожидание

Я пришёл за сорок минут.

Никогда не опаздывал — американская привычка, въевшаяся в кровь за восемь лет. Но сегодня дело было не в пунктуальности. Мне просто не сиделось в квартире. Мать смотрела сериал, Роман с Наташей уехали в свадебное путешествие в Сочи на три дня, а я бродил по Москве, пытаюсь убить время, и в итоге сдался — взял такси до Патриарших.

Теперь сидел на скамейке у пруда, смотрел на воду и думал, что это место похоже на декорацию к старому фильму. Лебеди, утки, старушка с газетой «Аргументы и факты», парочки на соседних лавочках, целующиеся так, будто завтра не наступит. В Бостоне тоже были парки — Boston Common, Public Garden, — но там всё было по-другому. Аккуратнее, что ли. Люди сидели с ноутбуками, пили смузи, бегали в наушниках. А здесь — живая, чуть неряшливая, настоящая жизнь.

Я проверил телефон. 18:47. Алиса написала час назад: —«Освобождаюсь, буду к семи. Если что — ждите, роды не по расписанию :)»

Смайлик в конце — как подпись. Ему нравилось, что она ставила смайлики. В моем мире деловой переписки это считалось дурным тоном. А здесь — просто жизнь.

Без четверти семь заметил её.

Алиса шла по аллее быстрым шагом, чуть запыхавшись. На ней были простые джинсы, белая футболка и лёгкий кардиган, накинутый на плечи. Волосы собраны в небрежный хвост. На лице — ни грамма косметики. В руке — небольшая сумка через плечо, из которой торчал уголок медицинского справочника.

Она увидела меня, и её лицо озарилось улыбкой — открытой, чуть виноватой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.